

Глава 32. Мастер женского переодевания может быть настолько милым? (Часть 2)

Кроме Чжоу Вэя, который прислал в ответ лишь эмодзи со средним пальцем, остальные трое промолчали. Впрочем, Ван Ци не сомневался: сообщение они видели.

Довольный собой, он наконец уснул.

На следующее утро его разбудил странный звук — какой-то шорох и суета. По ощущениям это напоминало возню мелкого зверька, который к тому же пытался что-то грызть своими острыми зубками.

Ван Ци приоткрыл глаза и повернул голову. Прямо перед ним, едва не касаясь носом, сопела круглая физиономия!

Они спали лицом друг к другу. Чэн Пан еще не проснулся, но зато мертвой хваткой вцепился в указательный палец правой руки Ван Ци и сосредоточенно его обглаживал.

«Он что, принял мою руку за куриную лапку?» — промелькнуло в голове у Ван Ци.

— Отпусти, — он попытался высвободиться, но безуспешно.

Толстяк не разжимал рук и, не открывая глаз, продолжал методично посасывать и покусывать его палец — не слишком сильно, но настойчиво. Грезам о еде даже во сне не было конца. Неудивительно, что он так раздобрел!

Палец, зажатый в чужом рту, обдавало влажным жаром. Ван Ци чувствовал кончики его острых зубов, твердые коренные и... скользкий, мягкий язык. Он замер, пристально глядя на спящего Чэн Пана. Ощущение было странным: по телу разлилась вкрадчивая истома, вызвавшая внезапную и весьма специфическую волну удовольствия.

Ван Ци чуть придвинулся к нему:

— Эй, толстяк.

Тот не отреагировал, полностью погруженный в процесс дегустации «лапки». Ван Ци усмехнулся и коснулся его щеки, но уже через секунду одернул себя. Нечего тут нежности разводить. Он чувствительно ущипнул толстяка за мягкую щеку, заставив того проснуться от боли.

Как только Чэн Пан зажмурился, вскрикнув, Ван Ци откинул одеяло и направился в ванную, бросив на ходу:

— Вставай давай!

Чэн Пан в замешательстве открыл глаза. Сквозь сонную одурь ему показалось, что в ванную вошел высокий и худощавый мужчина, хотя голос определенно принадлежал Ван Ци.

«Наверное, приснилось», — подумал он.

Он натянул одеяло до самого подбородка, собираясь досмотреть сон, но через десять секунд что-то показалось ему странным. Ощущения в районе груди были... непривычными.

Чэн Пан опустил взгляд под одеяло.

Какого черта?! На нем не было футболки!

Что, во имя небес, произошло?

Чэн Пан судорожно пытался восстановить события прошлой ночи. Вот он заходит в номер, идет в душ... После душа он решил, что оставаться в одной комнате с «девушкой» — дело деликатное. Как истинный мужчина, он должен был лечь на пол. Он подошел к кровати, чтобы взять подушку, но та показалась такой мягкой... В общем, он прилег. А потом почувствовал, как от одеяла исходит манящее тепло, и укрылся...

Он просто вырубился!

Стыд. Чэн Пан мертвой хваткой вцепился в одеяло. Ощущение было такое, будто его голову набили свинцом. Мало того что он нагло занял кровать, так еще и разделся до пояса при даме... Что теперь о нем подумает Ван Ци?!

Ван Ци тем временем умылся, водрузил на голову парик с длинными прямыми волосами и вышел из ванной. Увидев Чэн Пана, который со скорбным и ошарашенным видом сидел на кровати, обняв одеяло, он хмыкнул:

— Ты чего застыл?

Чэн Пан посмотрел на него, и чувство вины захлестнуло его с новой силой.

— Да так... ничего, — пробормотал он.

Прошло пару минут, но молчать дольше он не смог:

— Ван Ци... я вчера... я ничего такого не сделал?

— О-о? — Ван Ци взял со тумбочки телефон, сообразив, что толстяк ни черта не помнит. Он небрежно откинул волосы назад. — Ну, смотря что считать «таким». Вроде сделал, а вроде и нет.

Чэн Пан едва не завыл от отчаяния:

— Так сделал или нет?!

Ван Ци загадочно улыбнулся:

— А ты угадай.

Значит, точно что-то было.

«Прости меня, господи», — простонал про себя Чэн Пан. Он осознал горькую истину: он не просто подонок, он — форменное животное! С этого дня ему придется пересмотреть взгляды на собственную личность.

Чэн Пан хотел переодеться, но Ван Ци, не обращая на него внимания, уткнулся в телефон прямо рядом с кроватью. Пришлось толстяку, словно вору, осторожно поднимать край одеяла и, прячась под ним, выуживать одежду с края постели. Под ворохом ткани слышалась возня и пыхтение.

Ван Ци хоть и не поднимал глаз, но периферийным зрением прекрасно видел всю эту комедию.

«Надо же, какой застенчивый, прямо герой из прошлого века», — подумал он. Ван Ци демонстративно отвернулся, сел на край кровати, закинув ногу на ногу, и похлопал по матрасу:

— Поторапливайся. У меня днем еще дела.

Чэн Пан послушно закивал и поплелся в ванную умываться.

Выписавшись из отеля, они начали спуск. Шли не по официальному туристическому маршруту, а поскольку гостиница стояла на отшибе, предстояло преодолеть приличное расстояние.

Лес утопал в густом тумане. Даже солнце казалось лишь неясным золотисто-алым ореолом, едва пробивающимся сквозь пелену. В воздухе висела сырая, пронизывающая прохлада.

Спустя пятьдесят минут оба изрядно выдохлись. У Ван Ци еще вчера были разбиты колени, и теперь грубая ткань джинсов при каждом шаге немилосердно бредила ссадины.

Чэн Пан заметил это, долго терпел, но в конце концов не выдержал:

— Давай я тебя понесу?

Он знал, что Ван Ци — человек гордый и вряд ли станет просить о помощи, а если заметить его слабость в лоб, может и разозлиться. Чэн Пан зашел вперед и присел на корточки.

Ван Ци окинул его взглядом. Вообще-то он терпеть не мог зависеть от других, но раз уж этот толстяк сам напросился... Что ж, пусть поработает вьючным животным.

Ван Ци забрался ему на спину. Спина у Чэн Пана оказалась широкой, мощной и удивительно мягкой. Ван Ци не стал обхватывать его за шею, а просто оперся на плечи. Чэн Пан выпрямился, надежно фиксируя «ношу».

Ван Ци опустил взгляд и увидел складку на загривке Чэн Пана, там, где волосы переходили в шею. Кожа там немного загорела. Ван Ци провел по ней пальцем и брезгливо бросил:

— Ты шею-то моешь вообще? Плохо оттер, кажется.

— А? — отозвался Чэн Пан. Свою шею сзади он видеть не мог. — Ну... в следующий раз буду стараться лучше.

— Толстая она у тебя какая-то.

Чэн Пан промолчал, хотя в душе шевельнулась обида. А какой ей еще быть? Он же толстый, вот и шея соответствующая. Будь она тонкой, голова бы просто отвалилась. Но спорить он не посмел.

Вокруг заливались лесные птицы.

— А ты когда-нибудь носил так Цю Юя, Чжоу Вэя или Цзи Ю? — внезапно спросил Ван Ци.

Чэн Пан удивился. Они же парни, с чего бы ему их таскать? Он покачал головой:

— Нет, конечно.

Ван Ци издал неопределенное «хм», но в душе испытал странное удовлетворение. Похоже, он стал первым пассажиром на этом «транспорте».

Минут через двадцать туман начал редеть, и впереди показались рыжеватые крыши деревни — они почти добрались до туристического центра. Чэн Пан с облегчением выдохнул, готовясь

опустить Ван Ци на землю.

Но тут Ван Ци наклонился к самому его уху и вкрадчиво прошептал:

— Хочешь знать, что на самом деле случилось ночью?

Чэн Пан замер как вкопанный. Он слегка повернул голову, широко распахнув глаза от напряжения:

— И... и что же?

«Неужели я перед ним разделся и заставил любоваться своими складками?!» — в ужасе подумал он.

— Да ничего, — бросил Ван Ци.

—?

— Вообще ничего не было, — Ван Ци чувствительно крутанул его ухо. — Ты уснул мертвецким сном сразу после душа. Как можно уехать в отель с «девушкой» и дрыхнуть без задних ног? Любой натурал, оказавшись в одной комнате с женщиной на одной кровати, хоть немного бы, да задергался. Ха! Если ты гетеросексуал, то я свою фамилию — Ван — буду вверх ногами писать.

Чэн Пан даже не успел сообразить, что иероглиф «Ван» симметричен и вверх ногами выглядит точно так же. Он просто остолбенел.

В памяти всплыл обрывок сна. Сна, в котором Ван Ци вдруг превратился в ослепительно красивого парня, раздела его и бесстыдно оседлал...

В душу закрался ледяной, первобытный ужас.

Почему ему снятся эротические сны с парнями?!

Неужели... это оно? Тот самый легендарный «изгиб» натурала, о котором пишут в книжках?

<http://bllate.org/book/17527/1698499>